

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11

ВРЕМЕНА НЕЗНАЙКИ НА ЛУНЕ

Глава 1. Травма непризнания 21

«Незнайка на Луне» предписывает биографию, в том числе и по причине отвержения этой книги первой учительницей. — Вопрос «Ты что, с Луны свалился?» предписывает внесуществование. — Эмпирика и Эмпирии. — Профессор Фрейд и профессор Звездочкин о теории и практике. — Нехватка, или Не-всё тут.

Глава 2. Двадцать пять лет спустя: обретение друзей Незнайки в журнале «Кабинет» 29

Незнайка во времена перестройки объединяет друзей вокруг журнала «Кабинет». — Незнайка вместе с Лаканом успокаивают знанием, которое всегда остается не-всем. — Лиотар рассказывает о нарративном незнании. — Фигура Незнайки проглядывает сквозь дискурс. — Сознание Незнайки и пробуждение совести.

Глава 3. Психо-техно Не-Знайка

выводит на сцену Голема Со-Знания 39

Незнайка как психо-техно субъект. — Смещение знания от психического регистра субъективации к технологическому. — Ракета знает и не только. — Техносфера и плоды Просвещения. — Истина, Буква, Смерть. — Истина и Знание. — Лакан, просматривая сферы, обнаруживает неучтенную алетосферу, до отвала заполненную латузами. — Микрофон помогает Незнайке, Пончику и Нилу Армстронгу оставаться в алетосфере.

Глава 4. «Тридцать лет спустя: орбиты субъекта якобы знающего» 51

Николай Федорович Федоров о самом глубоком социальном антагонизме: о делении на знающих и незнающих. — Университет университету рознь, или Различные точки пристежки. — Невесомость как техника революции. — Незнайка и гуманитарный неуч Лакана. — Знайка и Фрейд о науке, теории и фантазии. — Экспертное знание и философское незнание. — Процесс мышления Знайки и Незнайки, знание университетское и истерическое. — Не-Знайка как расщепленный субъект. — «Незнайка на Луне» как катабасис в ад подлунного капитализма.

Глава 5. Паралогия изобретателей 73

Винтик и Шпунтик не принадлежат экспертному знанию. — Скорость мысли и скорость света. — Экспертное знание и паралогия изобретателей. — Перформатив «ученые доказали». — Советский Союз — страна университетского дискурса. — Незнайка как сторонник диссенсуса.

Глава 6. «Какие такие, дорогой друг, деньги?!» 83

Незнайка не знает частной собственности, но готов ее признать. — Несоизмеримость. — Маркетинг. — От биовласти к психовласти. — Отчуждение от знания и всеобщая пролетаризация. — Мафиозный капитализм. — Судьба Пончика. — Тотальная соизмеримость: почему коротышка? — Зеркальные отношения между капиталкоротышками. — Деньги разменивают символическое на воображаемое. — Бренды и бредламы.

Глава 7. Альфа и Мемегга технонауки 101

Технонаука. — Знание превращается в информационный товар. — Ученые производят товары. — Лунные астрономы вне технонауки. — Советский Союз как Страна Победившего Университета. — Паранойя технокапитала.

Глава 8. Незнайка — критик культуриндустрии 109

Системная глупость на Дурацком острове. — Незнайка борется за депролетаризацию лунных коротышек. — «Общество свободных крутильщиков». — Столкновение

Незнайки с лакановским реальным: сон о мазуте.— Индустрия кино производит забвение.— Лунные медиа без дураков.— Карусель Влечение — Повторение — Наслаждение и призывы сверх-я «можешь, значит должен!»»

Глава 9. От Бедлама к Бредламу 127

О бедламе и бредламе.— Дебаты о Незнайке в Шанхае на тему, есть ли в нем инновационный потенциал и модернизационные амбиции.— Депролетаризация Незнайки.

Глава 10. Постреволюционная меланхолия 133

Катабасис подходит к концу.— Страдания Незнайки: синдром космической адаптации, ностальгия, меланхолия?— Бред о Синеглазке.— Страсти по Солнышку.— Завершение лунной одиссеи.

НЕЗНАЙКА, или ИСТИНА КОММУНИЗМА

Глава 1. Маркс, Гоголь, Носов:

три аналитики капитализма 141

Две главные книги о капитализме: «Капитал» и «Мертвые души».— Трехчастная структура и незавершенность этих книг.— Экономика, диалектика и тринитарное богословие.— Значение трилогии о Незнайке Николая Носова на фоне этих книг.

Глава 2. «Бублик у меня отняли, по шее

мне надавали», или Чем пахнет капитализм? 149

Луна как общее место Гоголя и Носова.— Тема «спасения луны» в «Записках сумасшедшего».— Поприщин как Незнайка.— «Первосцена» Незнайки: столкновение с жуком как всемирно-историческое событие.— «Вылизывание» комет.— Лунология и назология.— «Эффект бублика», или О грехопадении Козлика.— Вид и запах.— Историческая судьба и культурная функция обоняния по Фрейдю.— Кинология и собственность.— Чем пахнет капитализм.

Глава 3. «Еще не доросли до моей музыки»,

или Космический коммунизм бытия 165

Сущность «космического коммунизма бытия» по С. Булгакову.— Обесценение этой сущности «научным знани-

ем». — Знайка и Незнайка: проблема имени собственного. — Два типа имен у Носова. — Коммунистический «трансцендентальный субъект». — Онтологический смысл имени (на примере «пончика/Пончика»). — Имя существительное и «местоименный жест». — Знание Знайки как функция «чрезвычайного положения».

Глава 4. «Я тебе как дам кнопочку!», или Ошибка профессора Каца 177

Интерпретация «Незнайки на Луне» в «Истории советской фантастики» Р. С. Каца. — Критика этой интерпретации: «ошибка» Пончика и Незайка-Фалес. — Неподлинный характер земного изобилия. — Знайка как субъект «сверхзадачи».

Глава 5. «Космос не такая вещь, с которой можно шутить!», или О стратегиях коммунистического строительства 191

Природа начала. — Прибор невесомости: проблема полезного применения. — Смысл «отрицательности», заключенной в имени Незайки. — Знайка как эксперт-технократ и консервативный политик. — Вопрос о «пережитках». — Незайка vs Знайка: киберпанк vs НФ. — «Физика-музыка» и ее предмет. — «Идиотская деятельность», справедливость и солидарность.

Глава 6. «Придется тебе на ночь касторку дать!», или о Коммунистической науке 209

Незнайка Николая Носова и Простец Николая Кузанского. — Взвесить всё! — Дискурсивное знание и его предел. — Невесомость как знак утопии. — Незайка и Ван Гог: незнание как исток художественного творения. — «Неиное» как метафизическое имя космоса.

Глава 7. «Он, правда, без чая, но это такой чай без чая!», или О коммунистической Вещи 231

Метаморфоз товаров как пример экспансии иного. — Образ скупого у Носова и Гоголя. — Стадия зеркала Скуперфильда. — Товар как руина. — «Беспорточные безработные» как специальность. — Как товарищ

Скуперфильд на мгновение почувствовал себя коммунистом.— Агамбен о «специальном бытии»: пользование vs собственность.— «Вы водку пили?», или Коммунистическое мгновение Гоголя.

Глава 8. «Бэ-э-э! Мэ-э-э!»,
или О коммунистическом субъекте 249

Дурацкий остров как топос абсолютного знания.— Сцена спасения как симптом.— Бодрийяр о современном капитализме как о «конце игры».— Обаранивание как субъективация.— Коммунизм в опасности, или Тревога Незнайки.

Глава 9. «Не будем предаваться унынию»,
или Биополитическая доктрина профессора
Козьявкина 269

Незнайка как последователь «традиции подозрения» и критик «научного коммунизма».— Солнечный город как коммунистический рай.— Незнайка-политэконом.— «Волшебная палочка» и теория исторического скачка.— Незнайка и его двойник.— О чем свидетельствует совесть?— Ветрогонство и антиветрогонство.— Солнечный город как «полицейское государство».— Коммунистическая тоска.— Проспект «открытия» профессора Козьявкина.— Сегрегация «ослов» и коммунистическая Лета.

Глава 10. «Ты, Незнайка, какой-то осёл!»,
или В чем же, наконец, заключается истина
коммунизма? 303

Толкование Луны как места «очищения душ» в трактате Плутарха.— Цикл о Незнайке как профанация «священной истории».— Философский, юридический и политический смысл профанации.— Солнце и солнышко.— «Еще более внутренняя Луна» и «трусобный натурализм» Незнайки.— Земля как пересадочная станция.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель! Сами не зная почему, но начать эту книгу мы хотели бы цитатой не из Носова, что было бы естественно, а из совсем другого — тоже, правда, такого недетского в своей официальной «детскости» — писателя. Мы имеем в виду замечательного рассказчика из журналов «Костер» и «Мурзилка» Виктора Голявкина, у которого есть один совсем небольшой рассказ, и пусть он послужит эпиграфом нашей совместной книге:

МЫ БЕСПОКОИМСЯ ЗА ПАПУ В 2000 ГОДУ

Папа пошел выпить пива на Марс и что-то там задержался. В это время случилось несчастье. Пес Тузик съел небо, которое постирала мама и вывела сушиться на гвоздь. Пес Тузик надулся, как детский шарик, и захотел улететь. Но он не смог этого сделать, потому что не было неба.

— Как же вернется наш папа, — сказала мама, — раз неба нет?..

— Действительно, как он вернется? — сказал я.

— Ха-ха-ха-ха! — сказал папа в дверях. — Ха-ха-ха!

— Какой дорогой вернулся ты? — удивилась мама.

— Ха-ха-ха! — сказал папа. — Я пьяный, я не знаю, какой дорогой.

Конечно, кто только не пытался из века двадцатого заглянуть в век двадцать первый! И тревога за будущее, уже не такое далекое, тоже вряд ли оригинальна. И все-таки, Голявкин «гениально угадал», как любил приговаривать Ленин, изучая диалектику Гегеля, *именно такое* положение вещей: не что-то под небом или в небе, а *само небо* оказалось в наши «нулевые» постирано и проглочено (приватизация-пролетаризация, слияние-сливание, угощение-поглощение, трейдерство-рейдерство и мало ли какие еще формы «эффективного управления», в силу чего «улететь» никому и никуда более не представляется возможным!) — и всё что нам остается, это беспокоиться о судьбе тех, кто в своей беспечности отправился попить пива на Марс. Или это не всё? «Нет, не всё!» — как бы говорит нам Голявкин, утверждая свой «принцип надежды»: они, наши беспечные «папы», обязательно вернутся, пусть даже — а точнее, именно потому что — *сами не знают как*.

Возвращению Незнайки мы и хотели бы в меру наших скромных возможностей посодействовать этой книжкой. Кто он, Незнайка, сегодня, в 2016 году? Многие жители Земли о нем сегодня даже слыхом не слыхивали, и нам бы хотелось донести кое-что до их ушей. Что, например? Ну, хотя бы любовь Незнайки к путешествиям, познанию, дружбе. Как известно, не что иное, как *гуманитарное* зна-

ние вызывает во времена лунного капитализма особую ненависть: «дружба», «забота», «совесть» и всё из разряда того, что не удастся формализовать и выразить в «точных величинах». Зачем нужно то, что ни взвесить, ни измерить, ни присвоить? Нет поэтому в лунном аду людей страшнее Гегеля и Малевича, Гоголя и Платонова, Лакана и Деррида. Они ведь то и дело говорят о несоизмеримом и неприсваиваемом. Даже Гитлер и Сталин для многих лунатиков в такой ситуации оказываются людьми честными, в то время как Гегель и Малевич — мошенники, типа Миги и Жулио. И поэтому знание их — неподлинное, вообще не знание, а так, в лучшем случае лирика, а то и вовсе чушь какая-то! А кого считают сегодня достопочтимым членом общества? Конечно, господина Спрутса и других участников Форума Большого Бредлама! Они ведь честно грабят коротышек, законно присваивая миллиарды (и, как вы помните, именно на них работают настоящие Мига и Жулио!), а вот ограбленные не могут вызывать ни уважения, ни восхищения — сами виноваты, раз не знают «основ бизнеса», «сетевого маркетинга» и тому подобной «физики-мизики». Чего уж тут на Тузика пенять?

Мы в своей книге настаиваем на честности Гегеля и Малевича, Гоголя и Платонова — Незнайки и... да-да, даже Знайки, хотя в его адрес порой будет звучать суровая критика!

И мы надеемся, что наш читатель, встречая сегодня на улицах Санкт-Петербурга, или Москвы, или еще какого-нибудь отечественного или зарубежного Сан-Комарика или Лос-Поганоса, очередного *честного коротышку* (служащего после работы, изобретателя, пенсионера, астронома, гастарбайтера, бомжа...), обязательно вспомнит о том неизбежном *незнании*, которое является оборотной стороной капиталистического «ноу-хау»: «Не знаю, как дотянуть до полочки», «не представляю, как рассчитаться с долгами», «ума не приложу, как не потерять место», «не могу поступить, как умный лунатик — взять в банке кредит и тут же купить справку о своей смерти», «не имею понятия ни о каких „Мертвых душах“» — Носов пронизательно доводит до предела эту «дурную бесконечность» незнания: «ох, не знаю, как бы не попасть в итоге на Дурацкий остров».

Наша цель — показать, что именно *незнание* — *сила*! И Незнайка есть тот, кто выступает во всеоружии нашего общего незнания, которое должно повсеместно противостоять всякому частному, отчужденному, экспертному, эксклюзивному «знанию» сильных (до поры до времени) мира сего. Вот почему мы просим не удивляться читателя тому, что наш по определению легкомысленный герой выступает в столь тяжелом вооружении: здесь вам и диалектика, и негативная теология, и марксизм

с неомарксизмом, и психоанализ с критической теорией (список можно продолжить) — короче, все то, что вытесняется господскими означающими неопозитивизма, не признается университетским дискурсом и третируется «здравым смыслом».

* * *

И — немного о предыстории этой книги. Как-то мы встретились в катакомбах университетского филфака, где размещался тогда отдел кадров — видимо, нужно было подписать какую-то очередную весьма ответственную бумагу, вот только мы сами не знали какую (о, великий призрак некомпетентности!) — и вдруг нас обоих осенило, что мы просто одержимы Незнайкой! Спасибо катакомбам университета и обитающим там лунатикам!

Мы тут же вспомнили, что у нас уже есть кое-какие наброски — и вот, спустя пару месяцев, наш друг и коллега Данила Расков организовал на факультете свободных искусств и наук (в рамках семинара «Центра исследований экономической культуры») конференцию «„Незнайка на Луне“ Николая Носова как путеводитель по капиталистической культуре». 18 апреля 2013 года на этой конференции мы выступили с докладами — а кроме нас, сообщения сделали еще Олеся Туркина и Данила Расков. Два наших доклада, «Не с Луны свалился я» Виктора Мазина и «Незнайка, или Истина

коммунизма. Введение» Александра Погребняка были затем опубликованы в журнале *Кабинет III. Картины мира V* (СПб.: Скифия, 2014). А спустя год, 24–25 октября 2014 года, в Пулковской обсерватории и на факультете свободных искусств и наук, прошла организованная Олесей Туркиной международная конференция «Наблюдатель», где Александр Погребняк выступил с докладом «Космос как предмет незнания: От Николая Кузанского до Николая Носова», который был опубликован в *Кабинет III. Картины мира VI* (СПб.: Скифия, 2015).

Спустя какое-то время Наталье Шапкиной, прослушавшей эти выступления и прочитавшей наши публикации в *Кабинете*, пришла в голову мысль о том, что мы могли бы написать книгу о Незнайке. Идея нам понравилась, но мы не знали, нужна ли кому-то сегодня такая книга. Идея теплилась всего несколько месяцев, как вдруг московский философ и издатель Валерий Анашвили, посетивший очередной семинар «Центра исследований экономической культуры», за ужином сказал, что, мол, было бы здорово, если бы вдруг появилась книга о Незнайке. Поскольку шутка нам понравилась, мы улыбнулись и ответили: «Есть такая книга!» Нет, конечно, мы тоже пошутили — ее не было, но зато было нешуточное желание вновь прикоснуться к любимым сочинениям Николая Николаевича Носова и продолжать писать о Незнайке!

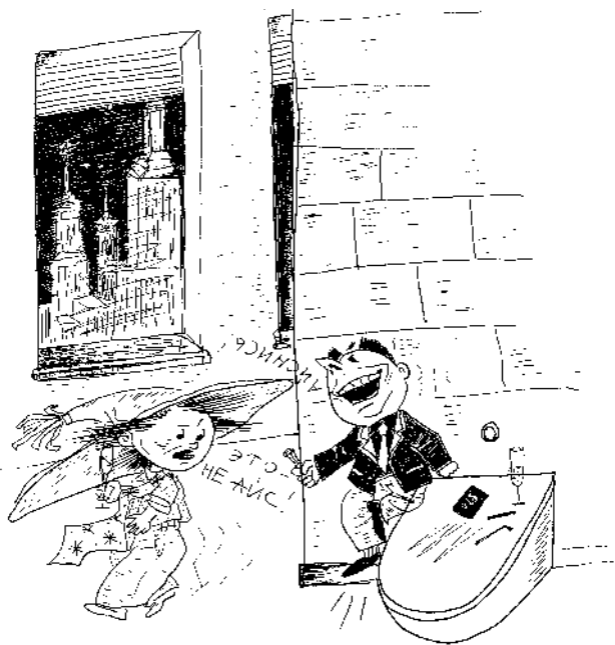
Во время работы над книгой к нашей общей радости к нам присоединилась Ирена Куксенайте, художница, которая с первого дня вошла в круг друзей Незнайки, названный журналом *Кабинет*. Ирена не только делала рисунки для журнала и писала статьи, но именно ее изображение Незнайки в гермошлеме и скафандре стало логотипом *Кабинета*. И по сей день этот образ, этот тип паралогии встречает читателей на авантитуле.

Закljučая предисловие, мы должны сказать, что книга двух авторов в данном случае выглядит как то, что в мире музыкальных пластинок принято называть *split album*, в данном случае — что-то вроде двух авторов под одной обложкой. Нам представляется весьма важным то, что мы, конечно, были хорошо знакомы с выступлениями друг друга и с текстами, опубликованными в *Кабинете*, но вот с нашими частями этой книги, дорогой читатель, нет... мы их не оговаривали, не обсуждали, не распределяли «роли», не пользовались бормотографом. Мы вот что решили: если наши тексты движутся параллельно, то это — замечательно, если они пересекаются, то это — прекрасно, если они разбегаются в разных направлениях, то это — чудесно, если мы приходим к одним и тем же суждениям, то это — удивительно, если же мы оказываемся перед лицом совершенно разных толкований, то — тем еще интересней. Нам, таким образом, еще предстоит стать читателя-

ми друг друга. И, надеемся, вам, дорогие неведомые друзья-лунатики, тоже. И у вас, кстати, даже есть выбор: оказаться в одном тексте, или в другом, или — между ними, или ограничиться просмотром иллюстраций. Или даже бросить все и пойти читать «Незнайку на Луне».

*Виктор Мазин,
Александр Погребняк
Санкт-Петербург,
март 2016 года*

ВРЕМЕНА
НЕЗНАЙКИ НА ЛУНЕ

ДОКТОР АКСБЕРГ

ТРАВМА НЕПРИЗНАНИЯ

«Незнайка на Луне» предписывает биографию, в том числе и по причине отвержения этой книги первой учительницей. — Вопрос «Ты что, с Луны свалился?» предписывает внесуществование. — Эмпирика и Эмпиреи. — Профессор Фрейд и профессор Звездочкин о теории и практике. — Нехватка, или Не-всё тут.

ДУМАЮ, и вам нередко встречаются люди, которые говорят, что одно дело полной жизнью жить, другое — книги читать. Книгочеи, они как бы не совсем живут. Глядя на книжные полки, жизнелюбы не видят жизни. Мертвая бумага, мертвые буквы, мертвые слова. Даже индийский гуру однажды меня убеждал, что чтение Нагарджуны не имеет ни малейшего отношения к жизни. Отчасти сторонники чистой эмпирики правы, но не совсем. Я, конечно, согласен с тем, что одно дело читать Жюль Верна, другое — самому погружаться в океанские глубины. Но глубины океана после погружения в глубины книги, и глубины океана без чтения — разные глубины, — и здесь мое одно-единственное, но, думаю, существенное возражение противникам книгочтения: никакого непосредственного доступа к океанским глубинам нет.

Нет эмпирики без эмпирей. С книгой ли, без нее, а вне теории никакого погружения нет, и потому можно сказать, что книга все равно есть, даже если кто-то ее в руках не держал, а таких людей нам видеть доводилось. В общем, я клоню к тому, что книга — тоже жизнь. И не обязательно в том смысле, что жизнь априори вписана в Книгу Бытия.

Книга прописывает биографию, причем порой так, что биография превращается в биобиблио-графию и, согласимся отчасти с противниками книжного знания, в био-библиотанато-графию, ведь вторжение «танато-» тоже, скорее, от Книги. Так или иначе, а три тома приключений Незнайки прописали мое воспитание, формирование, образование, короче говоря, они стали моим *Bildungsroman*. Особенно запоминающимся оказался третий том, «Незнайка на Луне». В общем, моя биография была бы, думаю, совсем иной, если бы не эта книга. А вот стала бы она столь значимой, не случись у меня с ней травматичной истории, этого мне, конечно, не узнать. Возможно, именно травма вывела на первый план третий том приключений. Вполне возможно, что в течение так сказать всей жизни я отстаиваю книгу «Незнайка на Луне» еще и по той причине, что доказываю ее великое значение своей первой учительнице.

Вот такая, собственно говоря, травматичная история приключилась. В первом классе учи-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru